

О тех, кого
не видит
зритель

В связи с 50-летием Горьковского театра кукол В. А. Кисляков, более сорока лет проработавший в коллективе, награжден значком Министерства культуры РСФСР «За отличную работу».

БЫЛ ОБЫЧАЙ НА РУСИ

Когда смотришь, как работает Виктор Алексеевич Кисляков, невольно вспоминаешь мастеров-самородков, героев Лескова и Бажова. От дедов и прадедов, от богатства земли и щедрости русской души шла эта смекаливость, породившая одну из самых сложных, и я бы сказала, неожиданных профессий — конструктора кукол.

...По утрам Виктор Алексеевич не спеша идет немногочисленной улицей Ковалихинской. Вроде бы занят своими мыслями. Но он умеет многое увидеть «вторым зрением», услышать исподволь.

Как-то, пересекая шумную улицу Фигнер, задержал шаг у котлована. Стрела экскаватора странно вздрагивала, будто на что-то сердилась, на мгновение замирала и бесшумно ползла вверх, и то резко, то медленно раскрывалась пасть ковша. И Виктор Алексеевич вспомнил, как долго искал способ и механизм, чтобы помочь кукле Монтекристо из спектакля «Лошарик» Г. Саггера, вот так же мягко и плавно, а порой властно и угрожающе откидывать верхнюю часть пасти.

Эта обостренная наблюдательность и помогает конструктору создать «нутро» куклы-актера. Если руки дирижера должны быть певучими, то эту певучесть для куклы должен найти конструктор.

В спектакле «Чертова мельница» И. Штока есть персонаж — вторая соблазнительница. Имя ее — Люля, а играет заслуженная артистка РСФСР А. Харчевникова. Даже самый придирчивый зритель влюбляется в этот образ. Почему? Когда смотришь, как изящны ее движения, как грациозна она в своем обольстительном танце, невольно вспоминаешь о балете. Как же удается Виктору Алексеевичу найти эту механику, которая и помогает актрисе создать органичность человеческого движения?

А если взять многонаселенный спектакль, например, «Иосиф Швейк против Франца Иосифа» Я. Гашека, где участвуют более 60 персонажей и где кукла Иосиф Швейк имеет 6 дублей? И каждая кукла — индивидуальный образ. И говорить, двигаться, словом, «жить» она должна так, как задумали режиссер и художник. А для этого конструктор должен сделать ей ее «нутро». При этом надо уметь клепать и шить, паять, сверлить и выжигать, пилить, резать, точить и строгать. Многое необходимо познать человеку, создающему «внутренние органы» куклы. И на это у Виктора Алексеевича ушло 40 лет творческого раздумья.

Если войти во двор мастерской конструктора, то увидишь поленницу из березы, липы и ольхи. За лето дерево впитает в себя воздух и спрячет в клеточках солнечное тепло. А попав в мастерскую, оно незаметно отдает все это, и вдруг явственно ощущаешь: полешки-то живые! Вот из этих полешек и вырезает мастер ноги и руки для Люли, скелет кистей для князя тьмы Вельзевула, делает гапеты — это основной деревянный стержень, при помощи которого актер приводит куклу в движение.

Иногда режиссеру и художнику необходимо в персонаже подчеркнуть и вылить зрительно ту или иную смысловую нагрузку — деталь. В том же «Швейке»,

например, один из полицейских «разговаривает» усами. Оживляет их актер при помощи механизма, созданного конструктором. Когда на глазах у зрителя мачеха из «Диких лебедей» превращается в ворону, то образ зла конструктор передает в тяжести полета птицы. А другое устройство помогает найти гибкость и плавность лебединых крыльев.

Виктор Алексеевич создал своеобразную металлическую петлю, и в театрах других городов ее называют «кисляковской». Удобство ее в том, что любая кукла делается очень подвижной и пластичной. А отсюда — сценичность образа и живое его восприятие.

Когда в 1976 году в Москве на Международном фестивале театров кукол опустился занавес после спектакля «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» А. Пушкина, зрители, актеры и режиссеры потекли за кулисы. Они благодарили горьковчан за великолепный спектакль и почему-то перевертывали куклы вверх ногами. Мучил один вопрос: что у них внутри? Оказывается, внутри каждой куклы — 60, а подчас и больше мелких и мельчайших деталей. Это пружинки, гайки, шайбы, винтики, гвоздики, шпонки, заклепки, шурупы, шарниры, зажимы, проволока, крючки, нитки, резинки, кожа и многое-многое другое. И зарубежные гости высказывали мнение о том, что если бы был специальный диплом для конструктора кукол, то его получил бы maestro Кисляков.

Мне приходилось видеть, как работает Виктор Алексеевич. Какой у него инструмент? Обычный, но только при этом необходимо владеть мастерством токарным и слесарным, плотницким и столярным. Знать анатомию, быть скульптором и художником. Он бы и закончил художественное училище. Война помешала.

Вот и сейчас вижу его лицо с мягким прищуром карих глаз, чуткие руки слегка прикасаются к куклам, словно боясь причинить им боль. И тогда убеждаюсь в том, что куклы приучают людей к доброте. А люди, работающие с ними, вовсе не чудaki, как нам порой кажется.

В 1937 году поступил Виктор Алексеевич работать в Горьковский театр кукол. С этого и началось его «чужество». Оно продолжалось и в 1939 году, когда пошел служить в армию и взял с собой две перчаточные куклы: Ее и Его. И эта неприветливая, неразлучная пара вызвала в памяти друзей-новобранцев образы детства.

После войны старшина 1 статьи В. А. Кисляков вновь приходит в свой театр, но теперь уже на должность конструктора кукол. Поразно относились люди к его профессии: одни корили за несерьезность выбора, другие упрекали за легкость работы...

Когда вы переступите порог театра кукол, поднимитесь в зрительный зал, когда будете аплодировать актерам за умение донести до вашего сердца образ, вспомните и мысленно поклонитесь мастеру Кислякову. Потому что был на Руси мудрый обычай: приветствовать человеческую щедрость низким поклоном.

А. ЛОГАНОВА.

Фото В. ШОХИНА.